

Влияние прагматических факторов на функционирование тропов в англоязычном художественном дискурсе

Елена Анашкина

crossref <http://dx.doi.org/10.5755/j01.sal.0.21.2449>

Аннотация. В художественном дискурсе семантико-прагматический потенциал любого тропа формируется за счет соотношения эксплицитной и имплицитной информации, содержащейся в нем. Декодирование этой информации может проводиться с позиции прагматики. При рассмотрении различных аспектов функционирования языковых единиц в прагматике учитываются условия речевой ситуации, к главным из которых относятся фигура говорящего и фигура наблюдателя. При анализе тропов в художественном дискурсе важно также знать, чья точка зрения – говорящего или наблюдателя – отражается в высказывании. Языковой антропоцентризм особенно четко проявляется в различных пространственных выражениях, т.к. пространственные отношения между предметами и явлениями действительности, воспринимаемые человеком, всегда ориентированы на субъект восприятия как точку отсчета. При описании ситуации, основанной на зрительном восприятии, в роли точки отсчета выступает направление взгляда человека в нормальных условиях восприятия. На основе анализа языкового материала в статье делается вывод о том, что предпочтительный выбор автором той или иной метонимической модели для описания ситуации связан с такими прагматическими факторами, как фигура говорящего и наблюдателя в художественном пространстве, точка зрения и точка отсчета.

Ключевые слова: *говорящий, наблюдатель, точка зрения, точка отсчета, метонимия.*

Введение

Изучение тропов в рамках когнитивно-дискурсивного подхода позволяет рассматривать их как дискурсивный феномен, который реализуется только в рамках дискурса и вне его не существует. Художественный дискурс в контексте говорящего – автора, слушающего – читателя и породившей их культуры можно понимать как прагматически обусловленную и имеющую определенную интенцию речь говорящего (Руднев, 1996, с.4). Выбирая языковую единицу, автор предвосхищает эмоциональную реакцию адресата. Остановка внимания читателя осуществляется благодаря выводу отрезка дискурса из автоматизма восприятия при помощи, например, тропов. Следующий этап – это понимание адресатом-читателем данного отрезка дискурса, т.е. раскрытие содержащейся в нем информации, представленной эксплицитно и имплицитно. Иными словами, читателю необходимо интерпретировать употребленные автором тропы. С точки зрения лингвостилистики, интерпретация – это «обоснованное (в лингвистическом, прагматическом и когнитивном аспектах) понимание текста» (Наер, 2001, с.12). При интерпретации тропов с позиции прагматики необходимо учитывать контекст, поскольку «семантические свойства языковых единиц, помещенных в достаточно длинный и динамически разворачивающийся контекст (дискурс), оказываются существенно иными, нежели семантические свойства тех же единиц, рассматриваемых в изолированном виде или в коротком контексте» (Степанов, 1981, с.325). Для понимания механизмов кодирования информации и ответа на вопрос, почему автор выбрал те или иные тропы на определенном отрезке дискурса, надо также принимать во внимание компоненты коммуникативной ситуации (говорящего, слушающего, отношения между ними, способ общения и др.) (Языкознание, 1998, с.390). Более того, интер-

претация тропов должна проводиться с учетом меняющегося коммуникативного контекста, так как изменение любого компонента коммуникативной ситуации влечет за собой изменение коммуникативной ситуации в целом и, следовательно, ведет к варьированию средств, используемых участниками ситуации (Падучева, 1996).

Представляется, что на употребление любого тропа в художественном дискурсе (в частности, сравнения иронии, антономасии) будут оказывать влияние те или иные прагматические факторы. Данная статья обобщает результаты первого этапа проведенного исследования, основанного на анализе стилистического приема метонимии в художественном дискурсе. Под метонимией понимается троп, «состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного объекта на другой, ассоциируемый с данным по смежности» (Языкознание, 1998, с.300). Выбор этого тропа обусловлен, прежде всего, тем, что до настоящего времени прагматические факторы, влияющие на его употребление в художественном дискурсе, не получили системного описания, хотя некоторые исследователи занимались вопросами прагматики метонимии (Токмаков, 2000; Соколов, 2004). **Материалом** для исследования послужили примеры из английской и американской литературы XX века, полученные методом сплошной выборки (около 1500 случаев употребления стилистического приема метонимии). На основе анализа материала были выявлены следующие прагматические факторы, влияющие на функционирование метонимии в художественном дискурсе: **позиция говорящего и наблюдателя в художественном пространстве, точка зрения и точка отсчета.** Цель настоящей статьи – показать, что предпочтительный выбор автором определенной метонимической модели для описания ситуации зависит от одного из указанных

факторов. Исследование опирается на комплекс дополняющих друг друга **методов** исследования, таких как метод контекстуального анализа, описательный метод, метод лингвостилистической интерпретации текста, метод дискурсивного анализа.

Антропоцентричность языка

Естественный язык антропоцентричен, т. е. ориентирован на человека. Антропоцентризм представляет собой одну из отличительных парадигмальных черт современной лингвистики, ее принципиальную установку (Кубрякова, 1995). Антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования. Он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели. Антропоцентризм знаменует тенденцию поставить человека во главу угла во всех теоретических предпосылках научного исследования и обуславливает его специфический ракурс.

Антропоцентрический принцип в языке связан с исследованием широкого круга языковых явлений, отраженных в языковом сознании говорящих или же отражающих присутствие говорящего в акте речи и установлении системы его «координат».

Антропоцентричность пронизывает буквально все языковые конструкции. В основе мысли, выраженной посредством языка, лежит восприятие. Именно особенностями восприятия как свойства, присущего человеку, объясняются явления языкового антропоцентризма и антропоморфизма (Кравченко, 1993).

Некоторые прагматические факторы, влияющие на функционирование тропов в художественном дискурсе

1. *Позиция говорящего и наблюдателя в художественном пространстве.*

1.1. *Фигура говорящего*

По мнению лингвистов, естественный язык не просто антропоцентричен, а эгоцентричен, т. е. ориентирован на говорящего (Падучева, 1993). Говорящий является центральной прагматической категорией (Кравченко, 1992, с.6). Присутствие говорящего заложено в семантику самых обычных слов и грамматических категорий естественного языка. Фигура говорящего определяет и употребление тропов в художественном дискурсе.

Рассматривая тропы в художественном дискурсе, следует иметь в виду, что в нем изменяются условия коммуникации. Коммуникативная ситуация в художественном дискурсе предстает в неполноценном (неканоническом) виде (Падучева, 1996). В рамках канонической речевой ситуации, когда именуются синхронные говорящий и слушающий с одним и тем же полем зрения (Lyons, 1977, с.637),

роль говорящего выполняет реальный говорящий. Понятно, что в художественном произведении, где автор отделен от своего высказывания и от читателя, эти условия не соблюдаются, реальный говорящий отсутствует. Поэтому при анализе художественного дискурса возникает вопрос – кто является заместителем говорящего. Многие лингвисты и литературоведы указывают на то, что роль автора-создателя в художественном произведении нельзя отождествлять с ролью говорящего в речевом высказывании (Долинин, 1985; Падучева, 1996; Успенский, 1995). Мы можем говорить только об аналогах говорящего в художественном произведении или о повествователе. Именно он является тем субъектом сознания, который непосредственно воплощен в тексте и с которым имеет дело читатель. Он же становится центром системы пространственно-временных координат.

В традиционном нарративе в фигуре повествователя воплощается единое сознание, обеспечивающее целостность структуры и композиции текста. Существует две возможности замещения реального говорящего в традиционном нарративе (Падучева, 1996, с.197–199):

- 1) повествователь может быть персонифицированный, когда он является одним из персонажей текста, т.е. входит в мир текста (например, совершает какие-либо поступки, имеет минимальную биографию, имя и др.); его можно назвать также рассказчиком;
- 2) повествователь может быть неперсонифицированный, не входящий во внутренний мир текста; он выступает как специально задуманный представитель автора и может быть как всезнающим, так и прагматически мотивированным повествователем. Всезнающий повествователь не дает нам отчета об источниках своих знаний. Он описывает внутренние состояния персонажей, пренебрегая тем, что они недоступны внешнему наблюдению. Он обладает неограниченными возможностями изменения временной и пространственной ориентации. Прагматически мотивированный повествователь по соображениям правдоподобия связан в этих пунктах естественными ограничениями. Неперсонифицированный повествователь может занимать подчеркнуто внешнюю позицию по отношению к герою и описывать его внутренние состояния не сами по себе, а через их симптомы, наблюдаемые признаки.

Традиционному нарративу противостоит свободный косвенный дискурс (СКД) (Падучева, 1996, с.206). Отличие между этими двумя повествовательными формами состоит в отсутствии четких границ между сферами сознания разных субъектов – повествователя и персонажа, одного персонажа и другого. В СКД аналогом говорящего выступает персонаж, вытесняющий повествователя. Но вытеснение повествователя обычно происходит не на всем протяжении СКД, а лишь в каких-то его

фрагментах. Повествователь может пропадать и возникать снова. Иногда бывает трудно отличить голос персонажа от голоса повествователя. Максимальная степень устранения повествователя наблюдается в тех случаях, когда СКД используется для изображения «потока сознания». Под «потоком сознания» понимается такая организация художественного произведения, когда автор устраняет повествователя и подчиняет повествование субъективности персонажа или персонажей (Долинин, 1985, с.206). Таким образом, связность СКД основана на сложном согласовании голосов разных персонажей друг с другом и с голосом повествователя. Рассмотрим взаимодействие этих голосов на следующем примере:

The exquisite freshness of Isabel! When he had been a little boy, it was his delight to run into the garden after a shower of rain and shake the rose bush over him. Isabel was that rose bush, petal-soft, sparkling and cool. And he was still the little boy. But there was no running into the garden now, no laughing and shaking (Mansfield, 1953, c.84).

В данном примере мы можем проследить, как голос персонажа (*The exquisite freshness of Isabel!*) сменяется голосом повествователя, а затем снова возвращается (*But there was no...*). Подчеркнутое предложение является метонимическим предложением и указывает на то, что в жизни героя все изменилось не в лучшую сторону. Мысли о жене он связывает с чудесными ощущениями детства. Но его семейная жизнь не слишком счастливая. И хотя для него Изабелла по-прежнему – свежий розовый куст из детских воспоминаний, а он все еще ощущает себя временами маленьким мальчиком, все изменилось. Куда-то ушли радость и восторг, которые метонимически обозначаются через такие компоненты, как «*gunning into the garden, laughing, shaking*», неразрывно связанные в воспоминаниях героя с ощущением счастья.

В некоторых случаях употребление тропов в художественном дискурсе можно объяснить через понятие «личной сферы говорящего» (Апресян, 1995, с.645). В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально. Личная сфера говорящего подвижна – она может включать большее или меньшее число объектов в зависимости от ситуации.

And Lucy, coming into the drawing-room with her tray held out, put the giant candlesticks on the mantelpiece, the silver casket in the middle, turned the crystal dolphin towards the clock. They would come; they would stand; they would talk in the mincing tones which she could imitate, ladies and gentlemen. Of all, her mistress was loveliest – mistress of silver, of linen, of china, for the sun, the silver, doors off their hinges, Rumpelmayer's men, gave her a sense, as she laid the paper-knife on the unlaid table, of something achieved (Woolf, 1984, c.64).

В этом примере голоса повествователя и персонажа тесно переплетены. В стилистическом

приеме метонимии звучит голос служанки Люси. Думая о хозяйке дома, она метонимически называет дом через отдельные предметы, которые в конкретной ситуации входят в ее личную сферу (готовя дом к приходу гостей, Люси чистит серебро, занимается посудой, столовым бельем).

1.2. Фигура наблюдателя

Многие исследователи указывают, что при анализе различных языковых явлений роль говорящего не должна абсолютизироваться. Необходимо учитывать и другой прагматический фактор – фигуру наблюдателя (Апресян, 1995; Кравченко, 1992; Падучева, 1996).

С одной стороны, наблюдатель – это одна из функций говорящего в речевом высказывании (Падучева, 1993). Так, человек может говорить о чем-то, исходя из собственного чувственного опыта. В этом случае понятие «наблюдатель» совпадает с понятием «говорящий». С другой стороны, эти прагматические факторы не тождественны друг другу. Очень часто на выбор того или иного слова или даже синтаксической структуры всего высказывания влияет соотношение между этими факторами (Кравченко, 1993). Другими словами, говорящий не обязательно выступает в роли наблюдателя. В этой роли могут выступать и другие субъекты. На несовпадение пространства говорящего и пространства наблюдателя указывает Ю. Д. Апресян (Апресян, 1995). Е. В. Падучева отмечает, что в традиционном нарративе роль наблюдателя чаще выполняет персонаж, чем повествователь (Падучева, 1996). При этом наблюдатель может быть:

- 1) статичным;
- 2) динамичным, т.е. перемещающимся;
- 3) внутренним (наблюдатель находится внутри ситуации и является неустранимым ориентиром для мысленного расположения всех остальных участников в пространстве);
- 4) внешним (наблюдатель, который не участвует в самой ситуации, а обзорекает ее извне) (Апресян, 1995, с.318).

Рассмотрим, как проявляется наблюдатель в стилистическом приеме метонимии в следующем примере:

Nearly all the furniture was taken out of the dining-room. The big piano was put in a corner and then there came a row of flower pots and then there came the goldy chairs. That was for the concert. When Sun looked in a white-faced man sat at the piano – not playing but banging at it and then looking inside. He had a bag of tools on the piano and he had stuck his hat on a statue against the wall. Sometimes he just started to play and then he jumped up again and looked inside. Sun hoped he wasn't the concert. [...] Sun looked to see if the same concert was there, but he was gone (Mansfield, 1953, c.50).

Данный пример представляет собой фрагмент свободного косвенного дискурса, в котором переплетены голоса неперсонифицированного повествователя, главного персонажа – ребенка, который наблюдает ситуацию, и одного из других персонажей. Герой рассказа, маленький мальчик, знает, что в доме ведется подготовка к чему-то грандиозному и даже, как ему сказали, будет концерт. Очевидно, что фраза «*That was for the concert*» принадлежит кому-то из взрослых, ответивших на вопрос ребенка. Но мальчик не совсем понимает, что такое концерт. Он заглядывает в комнату, видит некоторые приготовления и загадочного человека – настройщика пианино. У него возникает мысль: может быть, это есть тот самый «концерт». Таким образом, понятие «концерт» оказывается для него связанным по смежности с участником его подготовки. Метонимическое употребление слова «concert» в речи повествователя обусловлено тем, что наблюдатель в этой ситуации – маленький мальчик.

2. Точка зрения

При анализе тропов в дискурсе важно также знать, чья точка зрения – повествователя или персонажа – отражается в высказывании. Под точкой зрения понимается определенная «авторская позиция, с которой ведется повествование» (Успенский, 1995, с.14).

Как правило, в художественном произведении переплетаются точки зрения повествователя и персонажей, иногда даже в пределах одного высказывания. Часто определить точку зрения можно только по речевой характеристике. Автор описывает разных героев разным языком или вообще использует в том или ином виде элементы чужой или замещенной речи при описании.

Отражением определенной точки зрения могут служить различные наименования. Очень часто в художественной литературе одно и то же лицо именуется различным образом, причем нередко эти различные наименования сталкиваются в одной фразе или близко в тексте. В этом случае имеет место использование в тексте нескольких точек зрения.

Точка зрения может быть внутренняя по отношению к описываемому действию, использующая позицию самих участников ситуации. Но точка зрения может быть и внешней относительно описываемого действия, использующая позицию стороннего наблюдателя.

Некая ситуация может быть показана с точки зрения движущегося объекта с характерными деформациями предметов, обусловленными этим движением, как видно из следующего примера:

And now, at last, as she [Ursula] stood in the stern of the ship, in a pitch-dark, rather blowy night, feeling the motion of the sea, and watching the small, rather desolate little lights that twinkled on the shores of England, as on the shores of nowhere, watched them sinking smaller and smaller on the profound and living darkness, she felt her soul stirring to awake from its anaesthetic sleep (Lawrence, 1996, с.439).

Отмеченный случай представляет собой особый тип стилистической глагольной метонимии: перемещение одного предмета (корабля в указанном примере) передается как отраженное в другом (огни на берегу), который изображается как движущийся, оставаясь на самом деле неподвижным (Новиков, 1996). При этом оба предмета находятся в отношении смежности. Такое изображение неподвижного как движущегося позволяет образно передать движение, показать динамику его развертывания с точки зрения персонажа (Урсулы), которая выступает как динамичный наблюдатель, не совпадающий с повествователем.

При необходимости всеобъемлющего описания некоторой сцены нередко она охватывается с какой-то одной общей точки зрения. Такая пространственная позиция предполагает обычно достаточно широкий кругозор, поэтому ее можно назвать точкой зрения «птичьего полета» (Успенский, 1995, с.88):

The car had gone, but it had left a slight ripple which flowed through glove shops and hat shops and tailors' shops on both sides of Bond Street. For thirty seconds all heads were inclined the same way – to the window (Woolf, 1984, с.45).

В этом примере аналогом говорящего выступает неперсонифицированный повествователь, всезнающий и вездесущий. Он описывает ситуацию извне, он может наблюдать волнение, возникшее на Bond Street из-за машины королевской особы. Именно поэтому всеобщее волнение, в котором важны не столько отдельные люди, сколько их объединенность в этом эмоциональном порыве, описывается через стилистический прием метонимии.

3. Точка отсчета

Понятие «точка отсчета» (point of reference), было введено Г. Рейхенбахом в связи с изучением видо-временных форм английского глагола (Reichenbach, 1947, с.288). В дальнейшем это понятие стало употребляться не только применительно к аспектологическим исследованиям, но и при изучении семантики языковых единиц (Рахилина, 2000).

Язык, будучи антропоцентричным по своей природе, отражая мир, всегда «смотрит» на него с точки зрения человека. Языковое сознание в качестве своеобразных точек отсчета неявно фиксирует в языке параметры, связанные с человеком (температуру, размер). Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют принцип «me-first orientation», согласно которому человек является концептуальной точкой отсчета, по которой сверяется подавляющее большинство понятий нашей концептуальной системы (Lakoff, Johnson, 1980, с.132). Языковой антропоцентризм и антропоморфизм особенно четко проявляется в различных пространственных выражениях, так как пространственные отношения между предметами и явлениями действительности, воспринимаемые человеком, всегда ориентированы на субъект восприятия как точку отсчета (Кравченко, 1993).

Если в тексте языковыми средствами осуществляется указание на некоторое физическое пространство, получающее в результате этого указания относительную

характеристику, то исходной точкой данного отношения (точкой отсчета) является наблюдатель/ говорящий.

При описании ситуации, основанной на зрительном восприятии, в роли центра координации выступает плоскость направления взгляда. Еще Л. В. Щерба отмечал, что в основе таких обывательских понятий, как прямо, направо, налево, лежит линия нашего взгляда, когда мы смотрим перед собой (Щерба, 1940, с.100). Точкой отсчета является направление взгляда человека в нормальных условиях восприятия. Эти нормальные условия определяются естественными условиями существования человека в той или иной ситуации.

Так, в следующем примере ситуация видится глазами ребенка:

At the drawing-room door stood Mother fanning herself with a black fan. The drawing-room was full of sweet-smelling, silky, rustling ladies and men in black with funny tails on their coats – like beetles [...] (Mansfield, 1953, с.50).

Ребенок обозревает комнату, заполненную гостями. В этой ситуации ребенок (наблюдатель) выступает как точка отсчета. Он ниже взрослых, поэтому, чтобы увидеть их лица, ему пришлось бы перевести взгляд вверх. Однако в нормальных условиях восприятия в данной ситуации (ребенок только что заглянул в комнату, это его первое впечатление) его взгляд направлен на шелковые шуршащие платья дам и черные фраки мужчин. Таким образом, использование стилистического приема метонимии основывается на позиции наблюдателя.

Рассмотрим еще один пример, в котором метонимическое обозначение человека через части его тела обусловлено направлением взгляда наблюдателя:

She thought of the old invalid gentleman to whom she read the newspaper four afternoons a week while he slept in the garden. She had got quite used to the frail head on the cotton pillow, the hollowed eyes, the open mouth and the high pinched nose. (Mansfield, 1953, с.90).

Героиня читает для пожилого человека. В условиях восприятия этой ситуации (мужчина лежит, героиня сидит около него), когда девушка поднимает глаза от газеты, взгляд ее естественным образом направлен на голову пожилого человека.

Лингвисты отмечают такое явление, как расширение и сужение поля зрения (Гаспаров, 1997). При расширении глаз как бы удаляется от объекта, при сужении приближается к нему. Аналогия с общим планом и крупным планом в кинематографе напрашивается сама собой. Поскольку прием метонимии не раз сравнивался с крупным планом в кино (Иванов, 1998, с.266; Якобсон, 1990, с.128), явление сужения/ расширения поля зрения наблюдается и при употреблении стилистического приема метонимии в художественном дискурсе:

[...] she turned her head towards the hall. And she saw Harry with Miss Fulton's coat in his arms and Miss Fulton with her back turned to him and her head bent. He tossed the coat away, put his hands on her shoulders, and turned her violently to him. His lips said: "I adore you", and Miss

Fulton laid her moonbeam fingers on his cheeks and smiled her sleepy smile (Mansfield, 1953, с.39).

Героиня повернула голову и увидела своего мужа с другой женщиной. Сцена настолько неожиданна для нее (тем более что ее муж постоянно подчеркивал, что именно эта женщина ему неприятна), что она даже не сразу понимает, в чем дело. Ее поле зрения сужается, взгляд приближается к этой паре. На мгновение, как в кино, крупным планом она видит губы мужа.

Выводы

В настоящей статье обобщаются результаты исследования, посвященного выявлению прагматических факторов, которые оказывают влияние на функционирование тропов, в частности, метонимии, в англоязычном художественном дискурсе. Исходные предпосылки заключались в том, что при интерпретации тропов с позиции прагматики необходимо учитывать контекст и компоненты коммуникативной ситуации. Анализ языкового материала показал, что выбор автором той или иной метонимической модели на определенном отрезке дискурса обусловлен позицией говорящего и наблюдателя в художественном пространстве, точкой зрения и точкой отсчета. Учет отмеченных прагматических факторов позволяет проводить более тонкую и глубокую интерпретацию авторского замысла.

Литература

1. Апресян, Ю. Д., 1995. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды в 2-х т (том 2). Москва: Школа «Языки русской культуры».
2. Гаспаров, М. Л., 1997. Композиция пейзажа у Тютчева. В Избранные труды в 3-х томах (Т.2) Москва: Языки русской культуры, с.332–361.
3. Долинин, К. А., 1985. Интерпретация текста. Москва: Просвещение.
4. Иванов, В. В., 1998. Избранные труды по семиотике и истории культуры (Т. 1). Москва: Школа «Языки русской культуры».
5. Кравченко, А. В., 1992. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та.
6. Кравченко, А. В., 1993. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке. Известия АН. Серия литературы и языка, 52(3), с.45–56.
7. Кубрякова, Е. С., 1995. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа). В Степанов, Ю. С. (ред.), Язык и наука конца XX века. Москва: Рос. гос. гуманит. ун-т, с.144–238.
8. Наер, В. Л., 2001. Понимание и интерпретация. Проблемы современной стилистики, Сборник научных трудов. Вып. 459. Москва: Московский государственный лингвистический университет, с.3–13.
9. Новиков, А. Л., 1996. Метонимия в русском языке (семантическая структура, словообразовательный потенциал, стилистические функции). (АКД). Москва: Российский ун-т дружбы народов.
10. Падучева, Е. В., 1993. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике. Известия АН. Серия литературы и языка, 52 (3), с.33–44.
11. Падучева, Е. В., 1996. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). Москва: Школа «Языки русской культуры».
12. Рахилина, Е. В., 2000. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари.
13. Руднев, В. П., 1996. Теоретико-лингвистический анализ художественного дискурса. (АДД). Москва.
14. Соколов, А. Н., 2004. Прагматические аспекты перевода метонимии в поэтических текстах (на материале произведений А. С. Пушкина). (АКД). Тюмень.

15. Степанов, Ю. С., 1981. В поисках прагматики (проблема субъекта). Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 40 (4), с.325–332.
16. Токмаков, А. Н., 2000. Метонимия как средство прагматического воздействия (на материале французской кинокритики). (АКД). Москва.
17. Успенский, Б. А., 1995. Семиотика искусства. Москва: Школа «Языки русской культуры».
18. Щерба, Л. В., 1940. Опыт общей теории лексикографии. Известия АН СССР. Отделение литературы и языка, 3, с.89–117.
19. Языкознание, 1998. Большой энциклопедический словарь. Ярцева, В. Н. (ред.). Москва: Большая Российская энциклопедия.
20. Якобсон, Р., 1990. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений. В Арутюнова, Н. Д. и Журиная, М. А. (ред.), Теория метафоры. Москва: Прогресс, с.110–132.
21. Lakoff, G., & Johnson, M., 1980. *Metaphors We Live by*. Chicago: University of Chicago Press.
22. Lawrence, D. H., 1996. *Women in Love*. Penguin Books.
23. Lyons, J., 1977. *Semantics (Vol. 1–2)*. Cambridge University Press.
24. Mansfield, K., 1953. *Selected Stories*. Moscow: Foreign Languages Publishing House.
25. Reichenbach, H., 1947. *Elements of Symbolic Logic*. New York.
26. Woolf, V., 1984. *Mrs. Dalloway and Essays*. Moscow: Raduga Publishers.

Jelena Anaškina

Pragmatinių veiksnių įtaka tropų funkcionavimui meniniame diskurse

Santrauka

Meniniame diskurse bet kuris tropas pragmatinėmis aplinkybėmis įgyja naujų reikšmių. Kadangi antropocentrizmas, būdamas ypatingas tyrinėjimo principas, yra vienas iš skiriamųjų šiuolaikinės lingvistikos paradigmos bruožų, analizuojant įvairius kalbos reiškinius, atskaitos tašku tampa žmogus. Pragmatikoje nagrinėjant įvairius kalbinių vienetų funkcionavimo aspektus atsižvelgiama į kalbinės situacijos sąlygas, kurių pagrindinės yra kalbėtojas ir stebėtojas. Analizuojant tropus meniniame diskurse taip pat svarbu žinoti, kieno požiūrio taškas – kalbėtojo ar stebėtojo – atsispindi pasakyme. Kalbinis antropocentrizmas ypač ryškus įvairiuose erdvės apibūdinimuose, kadangi žmogaus suvokiami erdvės santykiai tarp daiktų ir tikrovės reiškinių visuomet orientuoti į suvokiantįjį subjektą kaip atskaitos tašką. Aprašant situacijas, pagrįstas regėjimo suvokimu, atskaitos taško vaidmenį atlieka žmogaus žvilgsnio kryptis normaliomis suvokimo sąlygomis. Kalbos duomenų analizės pagrindu straipsnyje daroma išvada, kad autoriaus vieno ar kito tropo pasirinkimas situacijai aprašyti susijęs su tokiais pragmatiniais veiksniais kaip kalbėtojo ir stebėtojo figūra meninėje erdvėje, požiūrio taškas ir atskaitos taškas.

Straipsnis įteiktas 2012 09
Parengtas spaudai 2012 11

Об авторе

Анашкина Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент. Работает на кафедре иностранных языков факультета мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета «Высшей школы экономики».

Области научных интересов: стилистика английского языка, интерпретация текста, анализ дискурса.

Адрес: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», факультет мировой экономики и мировой политики, кафедра иностранных языков, Покровский б-р, 11, 109028, Москва, Россия.

Эл. почта: eanashkina@hse.ru